

форме долгосрочной и краткосрочной аренды, «прописанной» в контракте де-юре. Он может быть использован как средство реализации механизма профессиональной занятости на внутрикорпоративном уровне. Предприятия по контракту осуществляют подготовку и переподготовку работников как во внутрифирменной системе профессионального обучения, так и в специализированных образовательных учреждениях, с которыми они заключают долгосрочные договоры;

– механизм корпоративного контроля над дисциплиной и производительностью труда, мотивацией трудовой деятельности индивидуален и конкретен для каждого отдельного предприятия. На предприятии определяются критерии, выполняющие функцию «стоп» в трудовых отношениях. Однако, по нашему мнению, для мотивации творческой деятельности он не подходит и даже противопоказан;

– «программы вовлечения» как новый механизм занятости не требуют больших затрат, но позволяют решить целый ряд проблем: решение текущих проблем и задач передается подразделениям (группам). «Дух обновления» заставляет их выискивать не только пути решения стоящей проблемы, но и моделировать возможные проблемы в будущем; групповая работа становится «клеточкой» коллективного предпринимательства;

– механизм коллективной ответственности не носит ярко выраженного индивидуального характера. Его реализация осуществляется либо через социальный институт рабочего представительства, либо через использование коллективных договоров. Российская практика колдоговорной формы реализации коллективной ответственности, которая носит полу-рекомендательный характер, несмотря на

принятие Трудового кодекса, охватывает не более половины предприятий и имеет целый ряд серьезнейших проблем;

– социальное партнерство в силу сложившегося в России представления о социальной роли государства лучше всего реализуется в триаде государство–профсоюз–работодатели на национальном и отраслевом уровнях, чем на уровне предприятия. Механизм социального планирования и разработки социальных балансов как форма реализации механизма занятости на уровне предприятия может рассматриваться в качестве нетипичного средства установления сбалансированности на внутреннем рынке человеческого капитала и в качестве частного случая реализации механизма социального партнерства.

Действие нерыночных механизмов в модели конкурентоспособности человеческого капитала сводится к определению основных субъектов, оказывающих непосредственное или косвенное воздействие на функционирование рынка человеческого капитала (МОТ, профсоюзы, общественные организации), основных форм и методов такого воздействия, анализу их эффективности и прогнозированию изменения ситуации на рынке человеческого капитала в долгосрочном периоде. Основными инструментами государственного регулирования сферы трудовых отношений являются правовые, организационные, экономические и административные рычаги. Чтобы вернуть государству роль «инструмента точной надстройки» рыночных механизмов функционирования рынка человеческого капитала, необходимо принять ряд конкретных мер, корректирующих действие механизма занятости, конкуренции на рынке человеческого капитала и зарплатного механизма с учетом особенностей их проявления, отмеченных ранее.

Е. А. КОЛОДИНА

кандидат экономических наук, доцент

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В РЕГУЛИРОВАНИИ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Проблема возобновления интеграционных тенденций в экономике России на межрегиональном уровне не вызывает сомне-

ний ни у ученых, ни у представителей властных структур. Другой вопрос, как ускорить ход эволюционных изменений в экономичес-

кой интеграции региональных систем, с помощью каких методов и механизмов можно активизировать их кооперацию, добиться экономической взаимодополняемости, содействовать созданию межрегиональных экономических площадок. Иными словами, возможно ли действенное регулирование межрегиональной интеграции, и если да, то какова степень управляемости этим процессом.

Как ни парадоксально, проблема регулирования процессов межрегиональной интеграции является малоизученной, хотя масштабы и негативные последствия экономической дезинтеграции регионов России широко обсуждаются. До настоящего времени не сложилось четкой концептуальной теории регулирования интеграции региональных экономических систем, функционирующих в условиях рынка, а старая теория, действовавшая в плановой экономике, уже не работает.

Назревшую необходимость разработки теории и стратегии регулирования межрегиональной интеграции хорошо обозначил в своей книге «Основы региональной экономики» А. Г. Гранберг — известный ученый, внесший существенный вклад в развитие отечественной школы пространственного развития. Он пишет: «XX век оставляет экономическое пространство России сильно неоднородным и дезинтегрированным, со множеством внутренних деформаций. Не может быть иллюзий саморазрешения накопившихся проблем. Перелом негативных тенденций и устойчивая прогрессивная эволюция экономического пространства могут осуществляться только под воздействием консолидированной политики государства и конструктивных сил общества. Для этого требуется разработать стратегию территориального социально-экономического развития, рассчитанную как минимум на первую четверть XXI века»¹.

Итак, определим теоретические подходы к регулированию процесса межрегиональной экономической интеграции.

Объекты межрегиональной экономической интеграции — это межрегиональные экономические связи и взаимодей-

ствия, а ее субъектами являются субъекты хозяйствования:

- государство;
- субъекты Федерации;
- фирмы;
- домохозяйства.

Поскольку интегратором в любой экономической системе всегда выступают потребности и интересы, значит, процесс межрегиональной интеграции также обусловлен существованием целой системы интересов и потребностей субъектов экономической интеграции.

Интересы фирм (бизнеса) выражаются предпринимателями, экономические интересы региональных экономических агентов — региональными администрациями, государство выступает выразителем интересов всех экономических агентов страны, а интересы домохозяйств транслируются на уровень властных структур государства с помощью институтов гражданского общества.

Переговорная сила каждой из четырех сторон далеко не одинакова. Институты гражданского общества² в наименьшей степени способны оказывать влияние на процесс межрегиональной интеграции. Примером открытого выражения несогласия с глобальной интеграцией мировой экономики являются действия антиглобалистов, которые создали добровольные общественные объединения, представляющие собой не что иное, как институты гражданского общества. Функция регулирования межрегиональной интеграции институтами гражданского общества, по-видимому, возможна, но только в порядке спонтанной реакции населения на острые и кризисные явления.

Администрации субъектов Федерации, выражая интересы региональных экономических агентов, могут содействовать или противодействовать межрегиональной экономической интеграции, устанавливая или устраняя барьеры на ее пути. При этом возможности регулирования интеграционных взаимодействий у регионов достаточно ограничены. Это связано с правовой неопределенностью и функциональной запутанностью основ деятельности субъекта Федерации как административно-территориально-

го образования. Из российской Конституции следует, что субъекты Федерации суть ее представители на местах. А коль скоро это так, то и функциональная самостоятельность этих территориальных образований полностью регламентируется федеральным центром.

«Фактически сохраняются правовые основы сверхцентрализованной советской системы, которые в 1990-е годы по ряду направлений были даже усилены мерами по ограничению "легитимной" автономии субнациональных властей. Подавляющая часть их доходов и расходных обязательств регламентируется властями более высокого, в основном федерального уровня. Единая федеральная налоговая служба собирает все виды налогов, большая доля налоговых сборов поступает в федеральное казначейство, которое затем расщепляет их между бюджетами разных уровней. Федеральные власти в рамках ежегодного закона о федеральном бюджете устанавливают нормативы отчислений от основных налогов в бюджеты регионов. Лишь около 15% "официальных" (отражаемых в отчетности) доходов региональных и местных бюджетов формируется за счет налогов, полномочия по управлению которыми в той или иной степени принадлежат соответствующим субнациональным властям, причем даже в отношении этих налогов действуют достаточно жесткие федеральные ограничения (в том числе по уровню максимальных ставок)»³.

Проведение региональной администрацией значимой политики в области регулирования межрегиональной интеграции требует закрепления соответствующих полномочий и финансовых источников, чего в действительности нет. Поэтому даже при существовании определенной позиции регионов в области создания межрегиональных экономических площадок их действия осуществляются не по линии государственных институтов, а с помощью институтов гражданского общества. Так, причиной создания межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия (мягких институтов гражданского общества) стали полное устранение государства от вмешательства в процесс эконо-

мической дезинтеграции и фактический развал региональных экономических систем в начале 1990-х гг. Высшие руководители исполнительной и законодательной власти регионов вынуждены были объединиться в ассоциации для защиты и лоббирования интересов своих экономических агентов. Часто межрегиональные взаимодействия основаны на личных связях и контактах представителей региональных властей. Из всего сказанного следует, что потенциальные возможности региональных администраций в регулировании межрегиональных кооперативных взаимодействий достаточно ограничены.

Позиции предпринимателей в реализации интересов бизнеса многократно сильнее. И это понятно, ведь интересы предпринимателей подкреплены возможностью финансирования интеграционных проектов, способствующих выживанию их бизнеса в условиях конкуренции. Даже при отсутствии государственной поддержки, часто при мощном противодействии региональных властей процессу включения местных предприятий в межрегиональные ФПГ и холдинги крупный капитал проникает в регионы. Результатом такого проникновения является создание трансрегиональных вертикально и горизонтально интегрированных бизнес-структур, которые в литературе называют российскими интегрированными бизнес-группами (ИБГ).

В условиях дезинтеграции товарного рынка, разрыва экономических связей и отсутствия какой-либо внятной политики государства в отношении хозяйственных межрегиональных комплексов сформировавшиеся российские ИБГ стали каркасом, скрепившим экономическое пространство страны. Именно крупный капитал, а не средний бизнес, который на сегодняшний день в России не представляет серьезной силы, стал главным межрегиональным интегратором экономики.

Если до недавнего времени в регионы шла экспансия «московского» капитала (ЛУКОЙЛ, ЮКОС, «Русал», группа «МДМ», СУАЛ, НК «Сиданко» и др.), то в последние годы все чаще крупные компании экономически сильных регионов успешно проникают на сосед-

ние территории, скупая их наиболее успешные производственные комплексы. Так, самарский капитал фактически установил контроль над «Ижмашем» и активно скупает предприятия Ульяновской области.

Крупный капитал использует самые различные способы создания межрегиональных бизнес-групп: участие в приватизации, скупка акций, создание стратегических альянсов. Но основным способом межфирменной интеграции является участие в процессе слияний и поглощений предприятий.

Для снижения инвестиционных рисков крупный капитал внедряется в региональную политическую власть, «покупает» ее лояльность, финансируя выборы из «серых фондов», осуществляя информационную поддержку или черный пиар. Более того, лидеры российских ИБГ становятся политическими лидерами регионов. Роман Абрамович стал губернатором Чукотки, а один из лидеров группы «Интеррос» — «Норильский никель» Александр Хлопонин стал губернатором сначала Таймыра, а в 2002 г. — Красноярского края. Проникновение представителей крупного бизнеса во власть упрощает процесс межрегиональной экономической интеграции.

И, наконец, рассмотрим роль государства в регулировании межрегиональной экономической интеграции. Как известно, государство выступает (должно выступать) выразителем интересов всех своих экономических агентов. Поэтому роль интегратора и регулятора межрегиональных экономических связей следует из самого назначения государства как гаранта сохранения единства экономического и культурного пространства страны.

По мнению В. Н. Лексина и А. Н. Швецова, «централизованное регулирование пространственного развития (частью которого является межрегиональная экономическая интеграция) есть обязательная функция практически всех государств мира, и если государство не осуществляет такого регулирования, то это означает лишь, что либо проблем такого регулирования просто не существует (например, в Ватикане), либо государство не озабочено своим настоящим и будущим, либо оно бессильно»⁴.

Чтобы определить направления государственного регулирования межрегиональных взаимодействий, необходимо помнить, что государство существует одновременно в двух ипостасях: как экономический субъект и как институт.

В качестве экономического субъекта государство определяется «как совокупность органов и лиц, сосредоточивших в своих руках экономическую власть, принимающих экономические решения в масштабе страны, распоряжающихся государственной собственностью»⁵. По определению Д. Бояркина, «государство — это собственник, обладающий самым высоким уровнем силового воздействия в обособленной части пространства»⁶. Воздействие государства как собственника на процесс межрегиональной интеграции легко продемонстрировать на примере регулирования цен и тарифов государственных монополий. Повышение транспортных тарифов способно разрушить сложившиеся хозяйственные связи и межрегиональные производственные комплексы, а снижение тарифов и цен естественных монополий способно стать мощным стимулом для развития интеграционных взаимодействий.

С другой стороны, государство можно рассматривать как институциональную матрицу, задающую рамки функционирования экономики, устанавливающую определенные стимулы и ограничения для целевой деятельности экономических агентов. Разработка хозяйственного законодательства, снимающего препятствия внутри страны для торговли, свободного передвижения капитала и людей, является институциональной основой межрегиональной экономической интеграции.

Из всех четырех групп экономических субъектов государство в наибольшей степени обладает возможностью видения будущего, т. е. концентрированного выражения желаемого состояния интеграции региональных экономических систем. Видение детализируется в целевой картине развития экономической интеграции, а также в принципах управления ею.

Высшая цель, целевая картина и принципы управления вместе образуют предмет

государственной политики в области межрегиональной экономической интеграции.

То, что государство формирует образ будущего, вовсе не означает, что бизнес, институты гражданского общества и региональные администрации не участвуют в процессе регулирования межрегиональной интеграции и у них отсутствует свое видение будущего. Напротив, в последние годы возникла даже конкуренция концептуального видения будущего развития внешней и внутренней интеграции российских регионов, появились коммуникативные площадки для обсуждения данных концепций (стратегические игры, экономические форумы, семинары и конференции, дебаты в научных журналах и порталы в Интернете).

И все же в первую очередь именно государству необходимо иметь четкое представление о будущем развитии интеграции региональных экономических систем, так как это является базовой предпосылкой для создания институциональной среды функционирования экономики в целом. Например, имея четкую программу интеграции, ЕС сформировал инвестиционную и налоговую политику, стимулирующую экономические взаимодействия и сотрудничество между европейскими странами. В рамках ЕС поддерживается и субсидируется деятельность совместных предприятий между фирмами более чем одной страны, институциональная среда подталкивает к сотрудничеству компании различных стран, субсидируя их совместные проекты. Так было в случае с *Philips, Thomas-SGS* и *Siemens* в программе по микроэлектронике *JESSI*⁷. Во многих странах налоговыми льготами и субсидиями поддерживаются предприятия, входящие в региональные и межрегиональные кластеры.

Таким образом, позиция государства в отношении развития интеграционных взаимодействий регионов и их экономических агентов определяется по наличию или отсутствию институционального механизма стимулирования и поддержки межрегиональных хозяйственных комплексов. Так как в отношении даже самых крупных российских территориально-производственных комплексов отсутствует какая-либо полити-

ка государства, говорить о существовании целевой картины и управлении межрегиональной интеграцией со стороны федерального центра еще рано.

Государственное видение будущего развития внутренней интеграции формируется с ориентацией на интересы и представления о нем всех экономических субъектов, но интересы господствующего в экономическом отношении класса становятся приоритетными. Дж. Гэлбрейт предложил даже категорию «техноструктуры», которая говорит уже о почти полном совпадении интересов государства и крупных корпораций.

В подтверждение сказанному можно привести цитату из книги «Государственное регулирование рыночной экономики», подготовленной кафедрой экономической теории и хозяйственного регулирования МГУ: «... исторические факты убедительно доказывают, что государство, являясь выразителем интересов господствующего в экономическом отношении класса, в ситуации, когда этот класс слаб или только формируется, полностью находится на его стороне и открыто его поддерживает. Об этом свидетельствует не только опыт большинства стран, прошедших длительный путь формирования рыночного хозяйства, но и опыт реформирования экономики России в 90-е гг. XX века, где проводимая в этот период государственная экономическая политика была направлена исключительно на поддержку вновь создаваемого класса крупных частных собственников»⁸.

Что касается региональных интересов, то отношение к ним федерального центра очень верно определил С. Артоболевский. Он утверждает: «Региональная политика — это позитивная дискриминация регионов. Если не уходить с поля науки и не обманывать публику. Региональная политика — произведение центра и местных элит. Предмет региональной политики — не помощь “бедным” или “богатым” районам (эту благородную миссию придумали популисты), а максимально эффективное вложение государственных средств»⁹.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод о том, что целевая картина развития национальной экономики и межреги-

ональной интеграции, в частности, определяется и модифицируется, во-первых, государством и, во-вторых, слоем предпринимателей (главным образом представителями крупного капитала)¹⁰. При этом, как говорил Л. Эрхард, «ответственность за экономику — а значит, и за экономическую судьбу всех действующих в ней людей — несет одно лишь государство. Предприниматель несет ответственность за свое предприятие, и это не мало»¹¹. Следовательно, государство должно иметь социально ответственную политику, стимулирующую экономическую интеграцию как на уровне компаний, так и на уровне региональных экономических систем. Для этого кроме институционального и инфраструктурного содействия интеграции государству требуется вникать в деятельность национальных интегрированных бизнес-групп, местных и национальных кластеров с целью последующего тонкого управления ими.

Дополнительным доводом в пользу необходимости активной государственной интеграционной политики является то, что в эпоху глобализации государства вынуждены делегировать реализацию своих геоэкономических устремлений мощным отечественным транснациональным компаниям. В России нет транснациональных компаний в полном смысле этого слова (в рейтинге журнала *Fortune* в 2001 г. крупнейшая российская компания «Газпром» заняла лишь 236-е место¹²), но они необходимы для укрепления конкурентоспособности страны. Логично предположить, что создание их начинается с формирования крупных межрегиональных компаний. Они представляют собой реальные объединительные центры, интегрирующие как региональные части национального экономического пространства, так и отдельные страны. Как показывает мировой опыт, именно межрегиональные бизнес-группы стали основой становления наиболее известных и влиятельных трансрегиональных бизнес-структур.

В зависимости от степени участия государства в регулировании экономических взаимодействий субъектов хозяйствования можно выделить три типа межрегиональной экономической интеграции:

- интеграция «сверху»;
- интеграция «снизу»;
- смешанный тип интеграции.

Интеграция «снизу» характеризуется минимальным воздействием государства на естественный процесс взаимодействия экономических субъектов. В этом случае государство обеспечивает правовой и законодательный порядок, создает инфраструктуру, не проводя специальной политики, стимулирующей межрегиональную интеграцию. Основная инициатива интеграционных взаимодействий принадлежит не государству, а его экономическим агентам.

Интеграция «сверху» означает, что все экономические связи хозяйствующих субъектов полностью регламентируются государством. Такая централизованная плановая экономика существовала в СССР 70 лет.

«Полностью государственная экономика, по существу, не оставляла места для иных, помимо государства, субъектов в процессе функционирования и развития экономической системы. В такой системе государство — единственный фактический субъект экономики. Даже предприятия в этой системе выступали как государственные органы. В качестве таковых они рассматривались и официальной юридической наукой. Само понятие “предприятие как госорган” адекватно отражало существующую ситуацию. Наличие же колхозно-кооперативного сектора, по формальным признакам считавшегося особым, негосударственным сектором в экономике, на самом деле ситуацию не меняло. В действительности этот сектор был органичным элементом государственной экономики. Основополагающие вопросы любой экономической системы — что, сколько, как производить и распределять — решались применительно и к этому сектору экономики государством»¹³.

Смешанный тип межрегиональной интеграции основан на симбиозе рыночного механизма и механизма государственного регулирования экономики. Успехи позитивного вмешательства государства в экономику демонстрируют страны Азиатско-Тихоокеанского региона и Европейского союза,

в которых правительства разрабатывают стратегии пространственного развития и межрегиональной интеграции.

М. Кастельс в своем бестселлере «Информационная эпоха» ввел понятие «государство развития». По его мнению, государство является государством развития, если его вмешательство в экономику способствует повышению ее конкурентоспособности и помогает национальным фирмам конкурировать на мировом рынке. Методы позитивного вмешательства государства в экономику могут быть различны, в чем можно убедиться на примере трех государств: Японии, Китая и Южной Кореи.

В Японии правительство направляет экономическое развитие в основном с помощью кредитной политики. Координирующая роль государства проявляется в процессе постоянного диалога между правительством и крупнейшими компаниями. Ежемесячные совещания по инициативе государства, собирающие вместе президентов компаний, составляющих ядро крупных межрыночных сетей, интегрируют экономику, дают возможность добиться ее социальной спаянности.

По замыслу корейского государства, чтобы быть конкурентоспособными, корейские фирмы должны быть интегрированы в большие конгломераты. Кредит и лицензии государство предоставляло фирмам избирательно, на условии присоединения к чеболу. Корейские деловые сети были созданы под государственным принуждением. Мозгом и двигателем корейского «чуда» стал государственный совет экономического планирования.

Китайский опыт демонстрирует способность государства стимулировать межрегиональную интеграцию Гонконга, Тайваня и провинций Южного Китая, основанную на семейных связях и мощной китайской диаспоре, инвестирующей средства в развитие национальной экономики исторической родины.

Отказ российского государства от стратегии позитивного вмешательства в экономику чреват потерей ее конкурентных пре-

имуществ, а межрегиональная интеграция, иницируемая крупным капиталом, пока не работает на стратегические интересы страны. Межрегиональные экономические комплексы России, управляемые несколькими интегрированными бизнес-группами, имеют сырьевую ориентацию, при которой наша экономика теряет системные свойства и превращается в питательную среду для других стран.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гранберг А. Г. Основы региональной экономики: Учеб. для вузов. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 310.

² Гражданское общество — совокупность отношений в сфере экономики, культуры и пр., развивающихся в рамках демократического общества независимо, автономно от государства. Взаимодействия гражданского общества и государства осуществляются через общественные объединения.

³ Лавров А., Литвак Дж., Сазерлэнд Д. Реформа межбюджетных отношений в России: «Федерализм, создающий рынок» // Вопросы экономики. 2002. № 4. С. 35.

⁴ Лексин В. Н., Швецов А. Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. М.: УРСС, 2000. С. 45.

⁵ www.glossary.ru

⁶ Бояркин Д. Д. Теория собственности. Новосибирск: ЭКОР, 1994. С. 114.

⁷ Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 167.

⁸ Государственное регулирование рыночной экономики: Учеб. пособие. М.: Дело, 2001. С. 22.

⁹ В поисках региональной разумности // Деловой мир. 1995. 3–9 апр. С. 15.

¹⁰ Кастельс М. Указ. соч. С. 154.

¹¹ Эрхард Л. Благополучие для всех. М.: Дело, 2001. С. 136.

¹² Эксперт. 2002. № 27.

¹³ Государственное регулирование рыночной экономики: Учеб. пособие. С. 34.